

УДК 343.139 + 343.14

В.А. Середнев

**СУД В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РФ – АКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ ДОКАЗЫВАНИЯ
ИЛИ ПАССИВНЫЙ АРБИТР-НАБЛЮДАТЕЛЬ?**

(К соотношению вопроса частного и публичного интереса в судопроизводстве)

В статье рассматривается вопрос о роли суда в доказывании по уголовному делу в контексте существующей формы российского уголовного судопроизводства. Устанавливается влияние западно-либерального воззрения на сферу уголовно-процессуальной деятельности, в частности участия в работе судов при доказывании по уголовным делам. Автор также обосновывает предложение, что должность судьи должна быть выборная, а не назначаемая.

Ключевые слова: доказывание, суд, состязательность, уголовный процесс, частный интерес, публичный интерес, запад, либерализм.

**COURT IN CRIMINAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION – ACTIVE SUBJECT
OF EVIDENCE OR PASSIVE ARBITER-OBSERVER?**

(To the relationship of the question of a private and public interest in legal processing)

The article discusses the role of the court's participation in proving a criminal case in the context of the existing form of domestic (Russian) criminal proceedings. It establishes the influence of the Western-liberal pernicious views on the scope of criminal procedure, in particular participation in the work of the courts in proving criminal cases. The author also justifies the suggestion that the position of judge should be elective, not appointed.

Key words: proof, court, competitiveness, criminal procedure, private interest, public interest, west-liberalism.

Участие суда в доказывании по рассматриваемым уголовным делам есть *особое процессуальное положение* суда по отношению к другим субъектам доказывания. Это положение, на наш взгляд, должно вытекать из требований ч. 3 ст. 123 Конституции РФ и ч.3 ст. 15 УПК РФ. Современная парадигма уголовного процесса указывает на то, что суд должен участвовать в доказывании как некий арбитр-наблюдатель – присутствовать при исследовании и оценивании тех доказательств, которые предоставляются сторонами в ходе судебного следствия. При этом активность суда при исследовании доказательств элиминируется.

Рассматривая ранее функцию суда как таковую, мы указывали, что это «...именно “право”, а не “обязанность”... которой наделены государственные органы для совершения действий на благо государства в ходе реализации целей уголовного процесса. В связи с этим к понятию “функции” у нас... несколько дуалистический подход. Мы понимаем функцию, во-первых, как вид государственной деятельности для достижения целей, поставленных государством. От цели уголовного процесса зависит механизм деятельности субъектов доказывания...» [17, с. 8], а цель всегда находится в триа-

де: «цель, средства, деятельность». А посему деятельность предполагает активность в достижении цели, в том числе и со стороны суда. Именно поэтому следует считать *основной функцией* суда – обеспечение реализации своих прав и обязанностей (статуса) сторонами в уголовном процессе как *функции разрешения уголовного дела* в контексте *активной* деятельности суда в доказывании. Сама же деятельность суда в доказывании должна сводиться к принятию им обоснованного, законного и справедливого решения по рассматриваемому уголовному делу. Потому что, полагаем, целью суда должны являться не только проверка и оценка представленных сторонами доказательств, но и аргументация, обоснованность применения им (судом) норм права [4, с. 62]. Следует считать (и это очевидно) признание за судом субъекта доказывания – дискуссионная проблема (см.: Новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ – противоречия и проблемы // URL: <http://www.yurclub.ru/docs/criminal/article50.html> (Дата обращения 08.01.2019 г.); А.В. Авилов. Особое процессуальное положение и компетенция суда как субъекта обязанности доказывания // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 3. – С. 178-180). Хотя всем должно быть понятно, что проблематично заниматься проверкой, при этом что-либо формировать и обеспечивать, а тем более судом в ходе доказывания по уголовному делу, если он пассивный и безынициативный. Правовая необходимость как норма уголовно-процессуального закона, подлежащая исполнению теми субъектами уголовного процесса, на которые указывается в данной норме с целью обеспечения реализации правосудия, входит в содержание, закрепляющее обязанность участия суда в доказывании по рассматриваемому уголовному делу, при этом принятие им всех мер, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством с целью разрешения уголовного дела по существу. Кроме того, суд еще должен обеспечивать сторонам процесса надлежащее исполнение ими своих процессуальных прав и обязанностей [7, с. 202].

Поскольку ч. 1 ст. 17 УПК РФ указывает на суд как на субъект оценивания доказательств, одного из элементов, входящих в структуру доказывания, то, естественно, суд является «полноценным» субъектом доказывания. Но мнение адептов либерально-западнической идеологии права и соответственно сторонников «чистой состязательности» (реализующей частные интересы, а не интересы общества и во главу угла ставящей частные интересы), иное. Сторонники либеральных прав и свобод, поклонники «чистой состязательности» утверждают, что суд является лишь неким арбитром между сторонами процесса, а обязанность доказывания на суд возлагаться не может [14, с. 38]. Особо подчеркнем, что «родиной» состязательного уголовного процесса являются США (Франция с оговорками), не просто с концепцией «права человека», которые утверждают превосходство индивидуального над коллективным (общим). Эта теория есть не что иное, как религия западного мира, основанная в том числе и на воззрениях космополитизма. Она рассматривает человека, лишая его всех форм идентичности, а касаясь законодательства, – в отрыве от национального права [21, с. 291]. Именно в этом таится опасность концепции «прав человека» для Российского государства в контексте реализации законодательства. И тем не менее, сторонники «чистой состязательности», не видя перед собой «тройного коня», явно (иногда неявно) апеллируют к опыту Запада. Более того, в ходе проведенных исследований можно указать, что либеральная идеология своими корнями уходит в расистское учение о превосходстве (в контексте аксиологических концепций) одних обществ над другими, одного пути развития государства над другими, «цивилизации над варварством, а варварства – над дикостью, и дальше используют эту расистскую схему к анализу различных социально-политических систем и построению исторической “конструкции” факта для обмана общества...» [18, с. 107]. В связи с этим заметим, что существуют истоки любого так называемого творческого наследия, т.е. деятельность и творчество определенных лиц, которые могли воздействовать на различные культурные аспекты в обществе. Заметим, что одним из источников существующего на сегодняшний день отечественного уголовно-процессуального законодательства является творчество немецких философов И. Канта и

Г. Гегеля [19, 20]. Эти философы были, во-первых, выходцами из протестантской культуры, что уже указывает на антипод христианской религии, и, во-вторых, их идеи, творчество не могут соответствовать духовным и материальным ценностям русского народа, а если это так, то и в работах данных авторов имеется некое отрицание духовного и нравственного комплекса, являющегося наследием народов России [19, с. 46]. В системе социально-духовных ценностей русского человека на первом месте всегда стояли интерес и судьба народа, далее – судьба и интересы его семьи и уж только потом, на самом последнем месте, – его собственная судьба [11, с. 148-149]. Это отличие от западного менталитета, где эгоизму придается положительная характеристика как достижению человека [16]. То есть, по большому счету, необходимо вести речь о несоответствии идей западного мира менталитету России, выражающихся в том числе в доминировании частного над коллективным (общим). А состоятельность является институтом доминирования и защиты частного права, для защиты публичного интереса необходимы не только беспристрастность и объективность суда, но и, желательно, его активность, – например, при исследовании доказательств [13, с. 168]. Поэтому в литературе, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечается, что любое механическое копирование у нас западных институтов в любой в сфере деятельности, в том числе и в праве, будет давать негативный эффект [14, с. 39]. Тем более необходимы реализация и отстаивание не частных интересов, а интересов всего общества, что должно быть одной из основных целей *государства*, поскольку часть не может быть ценнее целого (в отличие от гражданского общества – построение общества по либеральному типу) в борьбе с преступностью, где не последней, а в некоторых случаях, возможно, и доминирующей должна быть роль суда как гарантия справедливого правосудия. Поэтому на уровне законодательства необходимо перестать ставить правосудие в лице суда в зависимость от частных интересов стороны защиты и стороны обвинения (адвоката-защитника и государственного обвинителя). Элиминирование суда из полноценных субъектов доказывания – путь к отрицанию установления истины по рассматриваемому уголовному делу (неважно, как она будет называться: объективная, субъективная, юридическая, когерентная, артефактная и т.д., это вопрос другой, в нашей работе не исследуется). Суд – не азартная или спортивная игра, где нужно визуально, наблюдая со стороны, определить более слабого и более сильного, после чего принять решение [14].

Высказывания авторов, которые в своих работах указывают, что суд вообще не должен вмешиваться в деятельность сторон [23, с. 56-60], не имеют под собой оснований (достаточных условий для того, чтобы суд был пассивным в доказывании). Такие мнения, во-первых, есть не что иное, как гиперболизация понятия «состоятельность» в уголовном судопроизводстве. Мнение на счет того, что активность суда при собирании, проверке и оценке доказательств – это основной механизм, нарушающий беспристрастность при рассмотрении уголовного дела, является по меньшей мере надуманным, а по большому счету – за таким мнением скрывается как истинная сущность правосудия, так и сущность самого судьи, облеченного в человеческий образ. Поэтому, думается, необходимо, не оглядываясь на Запад, иметь российское представление о Фемиде. Свое, отечественное представление о сущности судьи, облеченного в образ человека, с пониманием того момента, при котором мы решим доверить свою судьбу в руки правосудия, и того, кто будет его осуществлять «...а потому находящийся в статусе судьи, получается, должен быть: “полубог” – “получеловек”» [18]. Именно по этой причине мы убеждены, что должность судьи должна быть выборная, а не назначаемая, и выбирать, естественно, должно население из числа тех людей, которым доверяет.

Положения концепции судебной реформы, которая внедрена в российскую почву лицами с либерально-западническими воззрениями (либо с их подачи) и принята в 1991 г. [9] оказали негативное влияние на понимание того, какой должна быть отечественная уголовно-процессуальная деятельность, т.е. на ее мотивацию. Другими словами, тогда никто не хотел или не мог понять, что государство в то время разрушилось не физически (а точнее, технически в результате разрушения), а потер-

пело духовное поражение. «Отвергая духовность и традиции российского народа, мы доводим мотивацию, в том числе в уголовно-процессуальной сфере, до состояния истощенности и бесплодия. Для ее реанимации мы хватаемся за аморальные и бездуховные образцы западной культуры, как за манну небесную, тем самым признаемся перед всем миром в своей несостоятельности...» [1, с. 74]. Именно поэтому сущность данной концепции понятна и очевидна – суд освобожден от доказывания обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а судья выполняет роль пассивного арбитра-наблюдателя. С того времени, как была принята либеральная идея уголовно-процессуальной деятельности (основной смысл которой – интересы «одного» выше интересов «всех»), практически уже не ведется работа по реформированию судебной системы, если не считать Указа Президента в 1995 г. «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации» [24] и, естественно, концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы» [24], которая якобы направлена на повышение эффективности осуществления правосудия, но на самом деле является лишь декларативным механизмом, образцом либеральной идеологии, где первостепенная роль отдается «фасаду», за которым, возможно, нет ничего полезного и эффективного, ибо форма, а не содержание имеет для либеральной идеологии первостепенное значение как в повседневной жизни граждан, так и в уголовно-процессуальной деятельности. Именно поэтому либерально-западническая парадигма права в отличие от российских культурно-исторических установок отдает форме доминирующую роль, возвышает ее над содержанием, а нравственным основаниям (долг, честь, совесть) не придает значения при регулировании правоотношений в области судопроизводства, признавая их рудиментами [19, с. 48].

Занимаясь учением о праве, И. Кант вообще не придавал надлежащего значения содержанию (сущности), предпочитая форму, а уж тем более – нравственной стороне регулирования общественных отношений в области судопроизводства [8]. Другими словами, И. Кант, как лицо прогрессивных, либерально-западнических взглядов, не видел связи между правом и культурой, исторически-мифологическом наследием, духовно-нравственными ценностями народа.

Но в данном контексте следует заметить, что Конституционный суд РФ относительно активности суда в процессе доказывания по уголовным делам и, соответственно, пределов доказывания имеет свою четкую позицию. Данная позиция выражена в определении от 20 ноября 2003 г. № 451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Веккера Сергея Владимировича на нарушения его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 УПК РФ». Конституционный суд РФ в своем определении показывает и ориентирует правоприменителя на то, что «осуществление судом функции правосудия в публичном по своему характеру уголовном процессе предполагает законодательное наделение его правом проверять и оценивать с точки зрения относимости, допустимости и достоверности представленные сторонами обвинения и защиты доказательства как путем установления их источников и сопоставления с другими доказательствами в судебном заседании, так и путем получения и исследования – в рамках обвинения, предъявленного подсудимому либо измененного в соответствии с уголовно-процессуальным законом (ч. 2 ст. 252 УПК РФ), иных доказательств, подтверждающих или опровергающих доказательство... Иное не позволяло бы суду при рассмотрении уголовных дел давать объективную оценку отстаиваемым сторонами позициям и устранять возникшие в ходе судебного разбирательства сомнения в их обоснованности, а следовательно, не обеспечивало бы независимость и беспристрастность суда при отправлении правосудия» [13].

Поэтому, анализируя вопрос, связанный с проблемами пределов доказывания в уголовном судопроизводстве, уместно привести результаты исследования А.А. Васяева, который при постановке вопроса: «Кто активнее участвует в исследовании представленных доказательств» различным участникам уголовного процесса – получил следующие результаты: а) суд – 16%; б) государствен-

ный обвинитель – 58%; в) адвокат-защитник – 26%. При этом на вопрос: «Суд оказывает содействие сторонам процесса в истребовании доказательств?» – опрошенные судьи, государственные обвинители, адвокаты ответили: всегда – 33%; не всегда – 67%; никогда – 0%. На вопрос: «Должен ли суд активно исследовать доказательства?» – опрошенные ответили: а) да, если стороны процесса пассивны – 8%; б) да, всегда – 30%; в) нет, стороны, представляющие доказательства, должны исследовать, суд лишь дает им оценку – 62% [3, с. 167].

В контексте данных, полученных А.А. Васяевым, можно сказать, что западная парадигма права продолжает оказывать воздействие на мышление лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве (судьи, адвокаты, государственные обвинители). Мы же, будучи сторонниками максимального (радикального) проявления публичности и отстаивания интересов общества в уголовном процессе в лице государства, солидаризируемся с авторами учебника «Курс советского уголовного процесса», которые не без оснований указывали на то, что полагаться только на активность сторон в судебном следствии, не задавая тон активности суду, было бы неправильно: только суд будет принимать решение самостоятельно при постановлении приговора и установлении виновности в совершении преступления подсудимым, а «активность суда есть проявление принципа публичности» [10]. Кстати, в связи с доминирующей ролью государства при регулировании общественных отношений и суда в его лице следует подчеркнуть, что при рассмотрении уголовных дел, связанных с террористической деятельностью, судебные процессы должны быть закрытыми и относиться к подсудности военных судов [22].

Считаем необходимым ни в коем случае не сводить роль суда до даже не просто арбитра, который может в какой-то мере еще проявлять определенную активность, а до уровня пассивного наблюдателя, молчаливого созерцателя происходящего в судебном разбирательстве между сторонами. У судов должны быть не только сохранены, но и усовершенствованы полномочия, связанные с исследованием доказательств, которые представляют стороны. Более того, суд должен проявлять инициативу и по собственному усмотрению проводить судебные действия, направленные как на истребование различных документов, так и связанные с исследованием доказательств, представленных сторонами судебного разбирательства, с целью, во-первых, верно квалифицировать преступное деяние, а во-вторых, справедливо назначить наказание [2, с. 33-34].

Мы видим существенное противоречие между деятельностью суда в процессе доказывания, при котором ему отведена роль арбитра-наблюдателя, и ч. 4 ст. 7 УПК РФ, где указывается, что судебные решения должны быть законными, обоснованными и мотивированными. А таковым приговор будет лишь в тех случаях, когда, согласно ч. 2 ст. 297 УПК РФ, он будет соответствовать требованиям уголовно-процессуального законодательства и основан на правильном применении уголовного закона. При этом следует обратить внимание на вопросы, связанные с постановлением судом приговора: в ст. 299 УПК РФ поставлены вопросы, которые невозможно решить опосредованным путем, т.е. опираясь только на те доказательства, которые суду предоставили стороны, и не исследуя их в судебном разбирательстве непосредственно, чтобы понять, является ли исследуемое деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей УК РФ оно предусмотрено; виновен ли подсудимый в совершении этого преступления; подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление; имеются ли обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание, и т.д.

Кроме того, необходимо понимать, что если человек просто тихо и спокойно живет, наблюдает за происходящим вокруг и молчит, в его жизни будет *получен* один результат, а если проявляет активность в жизнедеятельности – результат будет *достигнут* другой. То же самое и суд (судья): при пассивном наблюдении и участии в доказывании будет один результат, а при воспроизведении определенных законных и процессуальных усилий – совсем иной. Поэтому, хотя в РФ уголовно-процессу-

альное законодательство принято считать «состязательным», тем не менее суд должен выполнять свою особую миссию, особую функцию, при реализации которой он должен рассматривать приоритетные направления не только в контексте индивидуума и его интересов, но и всего общества. Это и будет реализацией правосудия. Если же суд будет апеллировать только к концепции «прав человека», причем еще останется молчаливым и пассивным, то победителем в процессе окажется не тот, кто прав и невиновен, а тот кто сильнее, богаче, влиятельнее и наглее [5, с.37].

Кроме того, активность суда позволит как сторонам использовать данные им законодательно равные права и возможности при отстаивании своих интересов в судебном разбирательстве, так и самому суду постановлять законный, справедливый и обоснованный приговор, который должен быть основан на исследовании всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по рассматриваемому уголовному делу [3, с. 176]. Соответственно к активности суда следует относить и принуждение им сторон при исполнении теми своих обязанностей, а также создание условий, в которых должны эффективно реализоваться права сторон в судебном заседании. Также суд обязан оказывать помощь сторонам при исследовании достоверности полученных сведений с целью дальнейшего их изучения и возможного отнесения к обстоятельствам, подлежащим доказыванию [6, с. 376].

1. Агутин, А.В. К вопросу о внешних условиях формирования мотивации при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 71-76.
2. Бурмагин, С. Принцип состязательности в теории и судебной практике // Российская юстиция. – 2001. – № 5. – С. 33-34.
3. Васяев, А.А. Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 176.
4. Воскобитова, Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4 (5). – С. 62.
5. Галоганов, Е.А. Роль суда как субъекта доказывания в уголовном судопроизводстве // Российский судья. – 2003. – № 1. – С. 37.
6. «Дело Йукоса» как зеркало русской адвокатуры (комплексное исследование в защиту российской адвокатуры и правосудия) / А.В. Воробьев, А.Л. Еньков, П.Ю. Силков, Ю.В. Тихонравов. – М.: Идел-Пресс, 2008. – 800 с.
7. Истомина, Н.С. О роли суда в доказывании // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 2. – С. 202.
8. Кант, И. Основы метафизики нравственности. – М., 1999. – 824 с.
9. Концепция судебной реформы 1991 г., принятая Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.
10. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / В.Б. Алексеев, Л.Б. Алексеева, В.П. Божьев, А.Д. Бойков и др. / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпец. – М.: Юрид. лит., 1989. – 640 с.
11. Миронова, Г.Л. Броня генетической памяти. – М.: Алгоритм, 2014. – С. 148-149.
12. Новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ – противоречия и проблемы // URL: <http://www.yurclub.ru/docs/criminal/article50.html> (дата обращения 08.01.2019 г.).
13. Определение Конституционного суда РФ от 20 ноября 2003 г. № 451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Веккера С.В. на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 287 и 307 Уголовно-процессуального кодекса РФ // URL: <http://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-20112003-n-451-o-ob/> (дата обращения 10.01.2019 г.).
14. Орлов, Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. – М.: Юрист, 2009. – 175 с.
15. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р об утверждении концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы» // Российская газета. – № 866 (37) от 2 октября 2012 г.
16. Рэнд, А. Добродетель эгоизма. – М.: Альпина Паблицер, 2017. – 186 с.
17. Середнев, В.А. Уголовно-процессуальные функции как механизм обеспечения деятельности субъектов доказывания в публичном уголовном процессе // Научный аспект. – 2014. – № 3. – Самара: Аспект, 2014. – С. 5-8.
18. Середнев, В.А. Мировоззренческая идея символики русского правосудия в тренде публичного уголовного процесса (философский аспект) // Актуальные проблемы права: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). – М.: Буки-Веди, 2014. – С. 104-109.

19. Середнев, В.А., Егутов, А.В. Отрицательное воздействие западного либерального мировоззрения на уголовное судопроизводство России, на примере протестантских воззрения И. Канта и Г. Гегеля // Отечественная юриспруденция. – 2016.– № 12 (14) – С. 46-56.
20. Середнев, В.А. К вопросу противостояния: идеология «прав человека» против идеологии «прав гражданина» // Философия права.– 2017.– № 4 (83).– С. 70-73.
21. Середнев, В.А. О необходимости денонсации культурно-аксиологического расизма в отношении России, на примере понятия «прав человека» (этносоциологический аспект с позиции философии консервативного традиционализма) // Прорывные научные исследования: проблемы, закономерности, перспективы: сборник статей VIII Междунар. научно-практ. конф. / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева – Пенза: МЦНС «Наука и просвещение».– 2017.– С. 288- 296.
22. Середнев, В.А. Использование идей Карла Шмитта и Алена де Бенуа в механизме обеспечения национальной безопасности России и борьбы с терроризмом средствами уголовного процесса // Право и национальная безопасность. – 2018.– № 1.– С. 19-30.
23. Соколовская, Н.С. Некоторые вопросы деятельности суда по отправлению правосудия // Правовые проблемы укрепления российской государственности.– Ч. 10: Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: сб. статей / под ред. Ю.К. Якимовича.– Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – С. 56-60.
24. Указ Президента РФ от 6.07.1995 г. № 673 «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1995. – № 28. – Ст. 2642.

УДК 341

М.М. Саядян, А.Н. Жилкова, Е.Ю. Янькова, Т.С. Еремеева

ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСТВА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

В статье анализируются порядок и способы приобретения гражданства, а также значение института гражданства в рамках международного гуманитарного права. Представлен упрощенный порядок приобретения гражданства и двойное гражданство в Российской Федерации. Авторами статьи рассмотрена система принципов, регулирующих вопросы гражданства.

Ключевые слова: гражданство, Российская Федерация, право, гражданин, акт, государство.

THE PROCESS AND MEANS OF OBTAIN NATIONALITY WITHIN INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

This article presents the procedures and methods of acquiring citizenship under international humanitarian law. A simplified procedure for acquiring citizenship and dual citizenship in the Russian Federation is also presented. The system of principles governing the issues of citizenship was reviewed by authors.

Key words: nationality, Russian Federation, law, citizen, act, state.

Гражданство как социально-правовой институт закономерно относится к первую очередь к сфере внутригосударственных интересов и учитывает национальную специфику, традиции и приоритеты государственного строительства. Институт гражданства непосредственно связан с проблематикой обеспечения государственного суверенитета и представляет собой один из его существенных